

Научная статья
УДК 811.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2024-2-26-35

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© **Базаржапова Алтана Доржиевна**

лаборант-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
altanaanatla@mail.ru

© **Иванов Вячеслав Валерьевич**

младший научный сотрудник,
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1
vvivanov@iling-ran.ru

Аннотация. В статье изложен анализ современного положения бурятского языка: языковая ситуация на территории этнической Бурятии, текущие тенденции в отношении к языку, его представленность в интернет-пространстве. Языковая ситуация в рассматриваемом ареале в настоящее время характеризуется языковым сдвигом с бурятского языка на русский и переходом с бурятско-русского двуязычия к русскому одноязычию. В противовес этому наблюдается положительное отношение к бурятскому языку, что однако не всегда выливается в конкретные действия по его передаче. В этих условиях активизируется деятельность по поддержке языка, нередко это проявляется в «низовых», любительских инициативах в интернет-пространстве. Анализ функционирования бурятского языка в интернете позволил обнаружить, что у части сообщества есть запрос на бурятоязычную интернет-коммуникацию и изучение бурятского языка. Всего бурятоязычный сегмент интернета представлен контентом трех форматов: 1) собственно контент на бурятском языке; 2) продукты, привлекающие к проблеме утраты языка; 3) ресурсы, специализирующиеся на обучении языку. Актуальность этого контента и спрос на него у определенной аудитории, а также его воспроизводство и расширение с течением времени позволяют говорить о его гибридности и многозадачности такого контента. В статье делается вывод о ревитализационном потенциале интернет-опосредованных инициатив как одного из направлений ревитализации бурятского языка.

Ключевые слова: бурятский язык, языковая ситуация, языковой сдвиг, ревитализация, миноритарные языки, языки России.

Для цитирования

Базаржапова А. Д., Иванов В. В. Бурятский язык в современном медиапространстве: положительные тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 2. С. 26–35.

Введение

В настоящее время наблюдается всплеск интереса к миноритарным культурам и их языкам и развитие интернет-технологий предоставляет все больше инструментов для изучения этих языков, их репрезентации и ревитализации. Степень и

характер присутствия языка в медиапространстве позволяют сделать некоторые выводы о состоянии языка, отношении говорящих к нему, его востребованности в развивающемся обществе, поскольку одним из показателей витальности языка является то, как язык задействуется в новых сферах (response to new domains and media)¹.

Положение бурятского языка становилось предметом детального анализа со стороны как лингвистов, так и простых носителей языка: в рассуждениях и тех, и других главным мотивом были и остаются отрицательные прогнозы о дальнейшем развитии языка, поскольку он мало используется молодежью по сравнению со старшими поколениями и свободно функционирует в крайне ограниченном ряде сфер, а число говорящих уменьшается. Однако работ, посвященных анализу того, как представлен бурятский язык в современном медиапространстве, не так много, и, учитывая стремительное развитие технологий и изменчивость интернет-среды, не все из этих исследований актуальны на данный момент. В настоящей статье, цель которой состояла в том, чтобы охарактеризовать современное положение бурятского языка, дается аналитический обзор представленности бурятского языка в интернете, чтобы продемонстрировать возникшие относительно недавно положительные тенденции в сфере бурятского языка.

В настоящем исследовании используются традиционные методы: описательно-аналитический метод, принцип комплексного анализа. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что оно отвечает современным социолингвистическим тенденциям — изучать миноритарные языки и проводить исследования, результаты которых могут быть применены в практиках языкового активизма.

Языковая ситуация в этнической Бурятии. Языковой сдвиг

Прежде чем перейти к анализу представленности бурятского языка (далее — БЯ) в интернете, необходимо сформировать целостное представление об общей языковой ситуации в этнической Бурятии, под которой понимается территория расселения бурят, включающая в себя Республику Бурятия, некоторые районы Иркутской области (в частности, Усть-Ордынский Бурятский округ) и Забайкальского края (в частности, Агинский Бурятский округ). Этот регион является мультикультурным, русский (далее — РЯ) и бурятский языки выступают в качестве основных языков общения в этом регионе, однако положения этих языков кардинально отличаются.

БЯ наравне с РЯ имеет статус государственного языка только в Республике Бурятия (с 1992 г.), однако, несмотря на такой статус, общее положение БЯ в этнической Бурятии характеризуется как *неблагополучное*. РЯ является бесспорно доминантным языком в регионе, что обусловлено, в первую очередь, преобладанием русского населения: в Бурятии русские составляют 59,4 % населения, буряты — 30,6 % (581 764 и 295 273 чел. соответственно)², в Усть-Ордынском Бурятском

---

¹ Language Vitality and Endangerment. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages // International Expert Meeting on the UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages. Paris: UNESCO, 2003. P. 11.

² Итоги ВПН 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 1.02.2024). Текст: электронный.

округе¹ 54,5 % населения приходится на русских, 41,4 % — на бурят (66 587 и 50 515 чел. соответственно), и только в Агинском Бурятском округе² буряты составляют большую часть населения — 64,9 % (45 242 чел.). Для жителей региона РЯ выступает в качестве лингва франка на фоне *острой противопоставленности диалектов БЯ* [3].

В отличие от РЯ БЯ *ограничен* в своем функционировании. Он маловостребован в «таких значимых для общества сферах жизнедеятельности, как государственное управление, делопроизводство, промышленность, наука, торговля» [2, с. 4], но продолжает достаточно активно использоваться в семейно-бытовом общении, сельском хозяйстве, прессе, в области религии и искусства. Детальный анализ функционирования БЯ в разных сферах жизни представлен в отчетных документах Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России [4]. Так, отмечается, что межпоколенческая передача БЯ чаще *сохраняется в неурбанизированной зоне ареала*, но в большей степени это проявляется в восточной части региона: «в Агинском районе бурятский язык служит реальным средством общения молодежи, в окрестностях Улан-Удэ это наблюдается не так часто, а в Иркутской области такая ситуация — скорее редкость» [4, с. 137]. В качестве негативных обстоятельств указывается, что БЯ мало представлен в области образования (образование на БЯ практически не ведется) и в сфере информационных технологий. Положительными обстоятельствами можно считать *высокую степень задокументированности* языка в научных публикациях и учебных пособиях и *наличие разнообразного контента* (об этом подробно в следующем разделе статьи).

Если оценить степень используемости языка в разных сферах жизни сравнительно несложно, то другие ключевые факторы витальности языка — качество межпоколенческой передачи языка и количество его носителей — трудно поддаются точной оценке. Результаты Всероссийской переписи населения (ВПН) неизбежно содержат погрешности (невозможность оценить реальную языковую компетенцию респондентов, неоднозначность понятия *родной язык*³ в анкете и др.), и итоговые цифры сложно интерпретировать однозначно. По итогам ВПН 2002 г.⁴,

---

¹ Национальный состав населения Иркутской области по итогам ВПН-2020. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/179585> (дата обращения: 1.02.2024). Текст: электронный.

² Национальный состав населения Забайкальского края по итогам ВПН-2020. URL: <https://75.rosstat.gov.ru/folder/48798> (дата обращения: 1.02.2024). Текст: электронный.

³ Неоднозначность этого термина можно проследить, напр., в том, что число лиц по РФ, указавших БЯ в качестве родного в 2010 и 2020 гг., превышает число тех, кто указал, что владеет БЯ (в 2010 г. 368 738 чел. указали БЯ как родной и только 218 557 чел. отметили владение языком; в 2020 г. для 392 979 чел. БЯ указан как родной при 306 857 лицах, указавших владением им). Иными словами, многие под *родным языком* понимают язык этноса, к которому человек себя относит, тем временем распространено понимание *родного языка* как первого освоенного языка.

⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги ВПН 2002 г.: в 14 т. / Федеральная служба государственной статистики. Москва: Статистика России, 2004. Текст: непосредственный.

в 2010 г.¹, с одной стороны, количество человек по РФ (независимо от национальности), которые указали владение БЯ, *уменьшилось на 40,7 %* с 2002 по 2010 г. (368 807 чел. в 2002 г. и 218 557 чел. в 2010 г.) при том, что численность бурятского населения немного увеличилась (445 175 чел. в 2002 г. и 461 389 чел. в 2010 г.), и предполагается, что эта отрицательная динамика соответствует действительности, поскольку в это время набирает обороты глобализация, и сельское бурятоязычное население продолжает активно переселяться в города, где БЯ оказывается в уязвимом положении.

С другой стороны, итоги ВПН 2020 г. демонстрируют иную ситуацию: на фоне мало изменившейся численности бурят по РФ (460 053 чел.) владение БЯ указали 306 857 чел., что *на 40,4 % выше*, чем число десятилетней давности. Однозначно объяснить эти данные трудно, особенно с учетом того, что вызвать такой рост могло только массовое обучение языку, напр., введение обязательных программ в школе, но в этот период было сделано ровно противоположное: в 2018 г. внесены поправки в федеральный закон «Об образовании», предполагающие изучение языков национальных республик «на добровольной основе». Эти изменения вызвали негодование во многих регионах РФ, осуждалась сама постановка вопроса о том, что изучение родного языка может быть необязательным, так как власть, официально транслируя, что родной язык школьника факультативен, закладывает на ранних этапах его жизни представление о *непрестижности своего языка*. Объяснение противоречивым данным ВПН 2020 г. дается в контексте анализа других явлений в следующем разделе статьи.

Обширных статистических данных, описывающих престиж БЯ и качество межпоколенческой передачи, на данный момент нет, но отдельные наблюдения позволяют наметить контур проблем в этих аспектах. Характеризуя точку зрения родителей, владеющих БЯ, нередко приходится констатировать *невозможность / нежелание* передавать язык детям по нескольким причинам: понимание родителями его символической и культурной важности проигрывает перед представлением о том, что знание именно РЯ или престижного иностранного языка обеспечит ребенку социальную мобильность; для многих родителей удобнее и естественнее говорить на определенные темы на РЯ, нежели на БЯ; часть родителей не говорит с детьми на БЯ, чтобы не выделяться из русскоязычного большинства или потому, что не знает, как правильно поддерживать общение с детьми в условиях, когда большую часть времени те проводят в русскоязычной среде. Эту ситуацию, когда убежденность в необходимости поддержки языка расходится с повседневной речевой практикой, описывают Н. Дауэнхауэр и Р. Дауэнхауэр, отмечая, что хотя морально верной признается позиция за поддержку языка и культуры, многие из тех, кто заявляет об этой позиции, в сущности ожидают, что «кто-то другой “сохранит” язык и культуру для них» [7, с. 63] и за них.

В свою очередь, точка зрения детей этих родителей раскрывает другие тонкости рассматриваемой проблемы. Так, исследование К. Грабер показало, что дети не говорят по-бурятски потому, что в городском русскоязычном пространстве БЯ ассоциируется с *деревенским бытом и отсталостью* (rurality and backwardness);

---

¹ Итоги ВПН 2010 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 1.02.2024). Текст: электронный.

потому что дети слышат русский акцент в своей бурятской речи, и их это смущает; потому что в школе изучают литературный БЯ, но в их семье говорят на диалектах и др. [10].

Рассмотренные аспекты языковой ситуации в этнической Бурятии и общего состояния БЯ обусловили его статус как языка, находящегося *под угрозой исчезновения* [9], а языковую ситуацию в регионе можно описать как *языковой сдвиг*, когда «межпоколенческая преемственность осуществляется неуспешно, характеризуясь все меньшим и меньшим количеством пользователей языка (говорящих, читающих, пишущих и даже тех, кто хотя бы понимает речь) или сокращающимся использованием языка с каждым поколением» [8, с. 1] (перевод мой. — А. Д.). С одной стороны, такая языковая ситуация отвечает общемировой тенденции глобализации. С другой стороны, в регионе имели место конкретные социально-исторические условия¹, определившие угрозу потенциального перехода населения с бурятско-русского билингвизма на *русское одноязычие*.

Эта ситуация по-разному оценивается в обществе (от полного равнодушия до глубокой обеспокоенности), но ее остроту сложно недооценить. Так, в упомянутой книге К. Грабер рассматривается, на первый взгляд, непримечательный кейс — довольно популярное любительское видео на YouTube под названием «Истинный бурят», на котором примерно годовалый ребенок ест мясо, а его бабушка с умилением обращается к внуку то по-русски, то по-бурятски. Исследовательница проанализировала комментарии под этим видео и обнаружила, что часть пользователей остро отреагировало на переключение кодов со стороны человека, от которого ожидается передача миноритарного языка младшему поколению, имели место даже оскорбительные комментарии [10, с. 204–205]. *Болезненность языкового сдвига*, таким образом, выражается в том, что давление испытывают как те, кто не усвоил родной язык, так и те, кто не может его передать в полноценной форме.

Подводя итог анализу функционирования БЯ в этнической Бурятии и его общего положения, нужно заключить, что оно отчетливо уязвимо, однако в следующей части работы показано, что *намечаются позитивные тенденции* в отношении БЯ.

Бурятский язык в медиапространстве. Позитивные тенденции

Чтобы остановить языковой сдвиг, принимаются государственные программы по поддержке языка, проводятся различные мероприятия (напр., ежегодно 27 октября отмечается День БЯ), однако, как подробно описано в книге В. В. Барановой, языковая политика «без политиков» приносит не меньшие, а иногда и бóльшие результаты [1]. Огромный потенциал имеют интернет-опосредованные низовые инициативы, поскольку онлайн-коммуникация предоставляет новые возможности для использования миноритарного языка и его репрезентации. Далее анализируется то, как представлен БЯ в медиапространстве силами инициатив «сверху» и, главным образом, силами низовых инициатив.

Бурятоязычный сегмент интернета представлен в трех формах: (I) собственно

¹ Имеются в виду русификация в ходе тесных контактов с преобладающим русским моноязычным населением, смена графической основы бурятской письменности в 1930-е гг. — со старомонгольского письма на латиницу и с латиницы на кириллицу, что привело к прерыванию связи с крупным пластом национального культурного наследия, а также постепенное сокращение и отмена школьного образования на БЯ.

контент на языке; (II) продукты, привлекающие к проблеме утраты языка, и (III) ресурсы, специализирующиеся на обучении языку. Описывая аспект (I), исследователи фиксировали 19 бурятоязычных сайтов [5] в 2017 г. и 60 бурятоязычных сообществ¹ в сети VKontakte в 2016 г., однако не все из них сохранили свою активность. Сейчас, вероятно, наиболее крупными и «плодовитыми» можно назвать веб-сайты местных СМИ, поддерживаемых государством: сайт радиостанции «Буряад ФМ» (<https://buriad.fm/>), вещание которой началось в 2016 г. и осуществляется на всех диалектах БЯ; сайт республиканской газеты «Буряад үнэн» (Бурятская правда) (<https://burunen.ru/bur/>); сайт и YouTube-канал телеканала «Буряад ТВ» (<https://www.youtube.com/@BuriadTV>), открывшегося в мае 2021 г. Среди крупных бурятоязычных ресурсов выделяются Википедия на БЯ (<https://clck.ru/38eDPz>), которая насчитывает 2 777 статей, написанных активистами, и мультимедийный портал «Soyol.Ru» (Культура) (<https://soyol.ru/bur/>) — проект Министерства культуры Бурятии.

Если открытые сайты доступны для непосредственного наблюдения, то представленность БЯ в социальных сетях и мессенджерах отследить крайне трудно, можно лишь привести отдельные примеры: в Telegram-е активна группа под названием «Ганса буряадаар» (Только по-бурятски) (https://t.me/+UOM7zFtfQ_c0MGJi), созданная специально для общения на БЯ в апреле 2023 г.; во VKontakte популярностью пользуется группа «Сэдьхэл» (Душа) (<https://vk.com/sedihel>), автор которой с 2019 г. публикует бурятский перевод коротких фрагментов из фильмов, книг, авторские стихи и др. на БЯ; регулярно обновляется контент в группе «Буряад зоной мемүүд» (Мемы бурятского народа) (https://vk.com/buriad_memuud), где с 2022 г. публикуются оригинальный бурятоязычный материал и переводы известных мемов, а также примечательна недавно созданная группа «Мангын хуудаһан» (Страница манги) (https://vk.com/buriad_manga), автор которой переводит на БЯ отдельные страницы из разных манг. Таким образом, помимо традиционных для миноритарного языка речевых жанров и тем, демонстрируемых главным образом на сайтах СМИ (рассказы о семье, быте, поздравления, песни), у общества (в частности, у молодежи) есть запрос на бурятоязычную интернет-коммуникацию и представленность БЯ в жанрах и сферах, ранее не обслуживаемых этим языком. Вероятно, самый «экзотичный» пример такой адаптации БЯ — это бурятский дубляж трех серий популярного аниме-сериала «Атака титанов» (<https://t.me/BatuevVlog>), выполненный в течение 2023 г. одним человеком, известным также другими дубляжами сцен из популярных фильмов.

Аспект (II) — контент, привлекающий к проблеме утраты БЯ, — представлен прежде всего видеороликами на YouTube. Одной из наиболее громких инициатив в этой сфере стала серия из 12 художественных мини-фильмов (<https://clck.ru/38hiQQ>) известного бурятского режиссера Солбона Лыгденова, снятых в 2014–2015 гг. и снискавших признание у зрителей. В них через трогательные истории преподносится мысль о безусловной ценности родного языка (напр., видео об успешной бурятке, владеющей несколькими иностранными языками, но не знающей родного языка, однако именно он связывает ее с любимой бабушкой).

---

¹ Карта языков РФ. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs> (дата обращения: 31.01.2024). Текст: электронный.

Другая известная инициатива, но уже развлекательного характера, — телепередача «Түхэриг» (Рубль) (<https://clck.ru/38hoD8>), которая снималась в 2019–2022 гг. (суммарно 47 выпусков). Ведущий передачи, перемещаясь по регионам этнической Бурятии и обращаясь по-бурятски к прохожим, предлагает им за вознаграждение принять участие в мини-викторине на знание БЯ, прежде всего на знание бурятского перевода русских слов. Среди игроков викторины можно наблюдать как уверенных носителей БЯ, так и пассивных билингвов и тех, чей бурятский лексикон крайне ограничен. Общаясь с последними, ведущий призывает их не забывать родной язык. Большое количество снятых эпизодов и комментариев под ними говорят об успешности этого проекта, обусловленной удачным форматом, когда острый вопрос утраты языка облечен в развлекательно-обучающую форму. Еще одна инициатива, рассматривающая проблему утраты БЯ уже с правовой точки зрения, — проект «Бэшэлгэ» (Надпись) (<https://t.me/beshelge>), запущенный в 2018 г., а с 2023 г. переведенный в формат Telegram-канала. Автор проекта обращает внимание на неравное использование БЯ и РЯ в публичном пространстве (на вывесках государственных и частных учреждений, объявлениях, уличных указателях и т. п.) и предлагает варианты перевода текста, которые могли бы быть представлены в том или ином случае. Отдельной особенностью этого проекта является его двуязычие: тексты к постам представлены на БЯ и РЯ.

Говоря об обучающих ресурсах (III), нельзя не отметить появившийся около 10 лет назад и не утративший актуальности по настоящее время образовательный проект «Бурядаар дуугараял» (Давайте говорить по-бурятски) (<https://clck.ru/39dgQy>), представленный на YouTube. В нескольких видеоуроках Жаргал Бадагаров, профессиональный филолог-монголовед, доступным языком объясняет основы грамматики бурятского языка и делает разбор популярных песен. Кроме этого, можно выделить появившиеся в 2020–2022 гг. Instagram-аккаунты¹, публикующие образовательный контент: их авторами могут быть как филологи и педагоги, профессионально связанные с БЯ (напр., <https://clck.ru/38hzh2> и <https://clck.ru/38hzhf9>), так и любители, причем, среди них большой популярностью пользуются авторы проекта «Логичный бурятский» (<https://clck.ru/38hzwH>), которые освоили БЯ в ходе осознанного обучения. Количество подписчиков у таких аккаунтов может достигать несколько тысяч и их целевая аудитория — взрослые люди, знающие БЯ хотя бы на минимальном уровне. Из наиболее свежих проектов в этом поле нельзя не упомянуть про запущенный в этом году «Алтан удха» (https://t.me/altan_udkha), который ориентирован в том числе и на тех пользователей, кто не имеет представления об устройстве БЯ. Сравнивая структуры БЯ с РЯ, автор наглядно показывает их различия, на которых нужно акцентировать внимание при изучении БЯ. При этом примечательно, что детских обучающих интернет-ресурсов крайне мало. Выделяется сайт проекта под названием «Хэлыш, малыш» (Говори, малыш) (<https://helyshmalysh.ru/>), который был создан в 2020 г. тремя молодыми девушками, желавшими передать БЯ своим детям, и на котором предоставлены материалы для детского обучения. Возникновение и популярность перечисленных проектов свидетельствуют о наличии у части общества *запроса на изучение БЯ*.

¹ Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

Все формы (I)-(III) представленности БЯ в интернете органично сочетаются в еще одном любопытном материале — юмористическом мини-сериале под названием «Амар Мэндэ!» (Здравствуйте!) (<https://clck.ru/38hqTx>), который создавался силами одноименной школы БЯ при государственной поддержке и был выпущен в конце 2023 г. Главный герой — русскоязычный бурят — должен встретиться со строгим отцом своей бурятоязычной девушки и решает срочно освоить БЯ, в процессе оказываясь в комичных ситуациях. Герои общаются по-русски и по-бурятски и после каждой сцены на экран выносятся ключевые бурятские слова, прозвучавшие в данном фрагменте, и их русский перевод.

Анализируя все упомянутые материалы, можно сделать следующие выводы о характере представленности БЯ в медиапространстве. Во-первых, интернет-контент на БЯ *гибриден* в том отношении, что он *решает несколько задач* сразу: его существование связано как с простой потребностью получать и создавать информацию на родном языке, так и с ревитализаторскими целями (даже в сугубо информационных материалах на сайтах СМИ часто звучит посыл *Буряад хэлээ бу мартая* ‘Давайте не забывать свой бурятский язык’). Во-вторых, контент на БЯ практически никогда *не бывает исключительно бурятоязычным*: в тематических группах, в выпусках СМИ, эпизодах «Түхэриг» и «Амар Мэндэ!» и других ресурсах коммуникация может осуществляться на бурятском, русском, а также монгольском, калмыцком языках одновременно, и характер *смешанного кода* также был отмечен Э. В. Хилхановой, анализировавшей функционирование БЯ в интернете в 2019 г. [6].

Суммируя наблюдения, можно заключить, что сейчас наблюдаются позитивные тенденции в отношении БЯ, выражающиеся в активной деятельности по репрезентации БЯ в интернете, на что определенно есть запрос у части общества. Учет времени создания отмеченных материалов позволяет предположить, что активное распространение этих тенденций приходится на *конец 2010-х гг. — начало 2020-х гг.* и что сейчас прослеживается «мода» на знание родного языка и культуры в целом. Отмеченный рост числа тех, кто указал владение БЯ в ВПН 2020 г., и описанные запросы на представленность БЯ в интернете и на изучение языка — это, вероятно, проявления одной тенденции. Что же касается вопроса, поставленного в упомянутой выше статье Э. В. Хилхановой, — является ли интернет реальным или символическим инструментом ревитализации миноритарных языков? — выявленные тенденции свидетельствуют, по-видимому, о раскрытии реального ревитализационного потенциала бурятоязычного контента. Однако вполне очевидно, что говорить о реальном росте полноценных носителей языка и приостановке языкового сдвига только за счет интернет-инициатив не представляется возможным, поскольку ревитализация языка предполагает комплексную работу по разным направлениям и интернет является лишь одним из них.

Заключение

Анализ положения бурятского языка и его представленности в медиапространстве позволил обнаружить ряд положительных тенденций, возникших сравнительно недавно, несмотря на общую неблагоприятную языковую ситуацию в регионе: у части общества (в частности, у молодежи, которая является наиболее активным потребителем и пользователем интернет-технологий) наблюдается запрос на бурятоязычную интернет-коммуникацию, использование бурятского

языка в жанрах и сферах, ранее не обслуживаемых этим языком, и осознанное изучение родного языка. Активная деятельность по репрезентации бурятского языка в медиапространстве во многом связана с развитием технологий и хотя увеличение контента на миноритарном языке само по себе не обеспечивает приостановки языкового сдвига, думается, что в наметившихся положительных условиях продвижение бурятского языка в «модные» цифровые сферы — это одна из приоритетных точек приложения ревитализационных усилий.

Литература

1. Баранова В. В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. Москва: Издательский дом ВШЭ, 2023. 238 с. Текст: непосредственный.
2. Дырхеева Г. А., Буркина А. А. Бурятский язык и национальная интеллигенция // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 3. С. 3–9. Текст: непосредственный.
3. Дырхеева Г. А. Живая речь в Бурятии: к проблеме изучения (социолингвистический обзор) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 77–88. Текст: непосредственный.
4. Иванов В. В., Харитонов В. С. Бурятский язык // Итоговые документы Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России / ИЯ РАН. 2021. С. 137–142. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc2.pdf (дата обращения: 31.01.2024). Текст: электронный.
5. Орехов Б. В. Языки России в интернете. 20 ноября 2017 г. URL: <https://habr.com/post/408411> (дата обращения: 31.01.2024). Текст: электронный.
6. Хилханова Э. В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. № 4. С. 967–988. Текст: непосредственный.
7. Dauenhauer N. M, Dauenhauer R. *Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: examples from Southeast Alaska* / ed. by L. A. Grenoble, L. J. Whaley. *Endangered Languages: Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 57–98.
8. Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. UK: Multilingual Matters. 1991. 415 p.
9. Janhunen J. *North-east Asia* // *Atlas of the World's Languages in Danger*. 3rd edition. UNESCO. 2010. P. 48–58.
10. Graber K. E. *Mixed Messages: Mediating Native Belonging in Asian Russia*. Cornell University Press, 2020. 288 p.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 28.05.2024.

BURYAT LANGUAGE IN THE MODERN MEDIA SPACE: POSITIVE TRENDS

Altana D. Bazarzhapova

Laboratory Researcher,

St. Petersburg State University

11 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russia

altanaanatla@mail.ru

Vyacheslav V. Ivanov
Junior Researcher,
Institute of Linguistics RAS
1/1 Bolshoy Kislovsky pereulok, Moscow 125009, Russia
vvivanov@iling-ran.ru

Abstract. The article presents an analysis of the current state of the Buryat language, in particular the linguistic situation in the territory of ethnic Buryatia, current trends in attitudes towards the language, its representation in the World Wide Web. Currently, the linguistic situation is characterized by a linguistic shift from the Buryat language to Russian and a transition from Buryat-Russian bilingualism to Russian monolingualism. In contrast to this, there is a positive attitude towards the Buryat language, which, however, does not always result in concrete steps for its transfer to the next generation. Under these conditions, “top-down” and “bottom-up” initiatives to support the language are intensifying, including in the World Wide Web, where part of the Buryat community issue requests for Buryat-language Internet communication and the study of the Buryat language. In total, the Buryat-speaking segment of the Internet is represented by content in three formats: 1) the actual content in Buryat; 2) products that attract attention to the problem of language loss; 3) resources specializing in language teaching. The relevance of this content and the demand for it among a certain audience, as well as its reproduction and expansion over time, allow us to talk about its hybridity and multitasking. The article concludes about the potential of Internet-mediated initiatives as one of the directions for the revitalization of the Buryat language.

Keywords: the Buryat language, language situation, language shift, revitalization, minority languages, languages of Russia.

For citation

Bazarzhapova A. D., Ivanov V. V. Buryat Language in the Modern Media Space: Positive Trends. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 2: 26–35 (In Russ.).

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 28.05.2024.